

ПРОБЛЕМА ДЕЛИМИТАЦИИ ВНУТРЕННЕЙ ПЕРИФЕРИИ И ГЛУБИНКИ В ПРЕДЕЛАХ МАКРОРАЙОНА

Ю.В. Преображенский

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени
Н.Г. Чернышевского, Россия, Саратов
e-mail: topofag@yandex.ru

Многоаспектность процессов пространственной трансформации ставит вопрос о тех структурах, которые проявляются в их протекании. Поляризация социально-экономического пространства ведет к росту зон внутренней периферии и глубинки. При сходных контурах их делимитации данные понятия имеют различные коннотации. В работе решалась задача выделения внутренней периферии в пределах Волго-Уральского макрорегиона (с добавлением Татарстана). Для этого на основе ряда публикаций сопоставлялись понятия внутренней периферии и глубинки, подходы к их делимитации. Основное различие состоит в фокусе исследования соответствующей зоны: периферия больше ассоциируется с экономическими и инфраструктурными процессами, глубинка – с социокультурными. В пространственном отношении глубинка включена в зону внутренней периферии, но не заполняет ее полностью. Однако возможен и другой подход, при котором глубинка начинается там, где заканчивается влияние центра, т.е. за пределами ближней периферии. Использование метода изохрон позволило выявить максимально удаленные от крупных и крупнейших городов ареалы в пределах средней части Урало-Поволжья, которые можно ассоциировать с внутренней периферией. Анализ контуров данной зоны позволил сделать вывод, что на надрегиональном уровне периферия делит макрорайон на западную и восточную части.

Ключевые слова: внутренняя периферия, глубинка, Урало-Поволжье, транспортная доступность, изохроны, метрополитенский ареал, пространственная трансформация.

Введение

Интерес к ядрам концентрации населения и экономической деятельности, рождающим разнообразные положительные эффекты, – крупнейшим агломерациям – оправданно остается в фокусе исследования географов и экономистов. Внимание к таким агломерациям – полюсам роста – опирается на богатую теоретическую и (в несколько меньшей степени) методологическую базу и связано преимущественно с теориями кумулятивного развития, развернутыми в пространственную плоскость. Вместе с тем удаленные от полюсов развития и в какой-то степени антагонистичные им территории исследуются несколько меньше. Их определяют как «провинция», «периферия», «глубинка», «медвежий угол», «окраина» и пр. В настоящем исследовании ставится задача расширить представление о сущности внутренней периферии и глубинки и обосновать методику их делимитации. Данная задача решалась на материалах Волго-Уральского макрорегиона.

Предшествующие исследования и поднимаемая проблематика. Представление о периферии сформировалось в целом ряде исследований. В понятийно-терминологическом словаре Э.Б. Алаева периферия понимается как «противостоящая, дополняющая центр, очаг, фокус, ядро остальная территория таксона (района)» [1, с. 92]. Наиболее общими подходами к ее делимитации являются геометрический (максимальная удаленность от центра), количественный (существенное отставание от центра по каким-то благоприятным показателям или, наоборот, превышение по неблагоприятным), качественный (отставание по каким-то признакам, несводимым к количественным показателям, нижние уровни в той или иной типологии), генетический (разные условия формирования), динамический (замедленная

или отрицательная динамика развития периферии по сравнению с центром) и др. Перечисленные подходы в большинстве случаев обращены к достаточно простым одноядерным структурам следующего вида:

центр – полупериферия (провинция) – периферия;

центр – ближняя периферия – дальняя периферия;

центр – периферия – граница;

центр – зона, тяготеющая к центру – зона, не затронутая влиянием центра (глубинка).

Все эти варианты в первом приближении можно представить в виде радиально-концентрической структуры. Реальное проявление ядер социально-экономической активности, что называется, в натуре, безусловно, имеет более сложный характер и представляет собой пересечение и наложение зон периферии, относимой к разным центрам. Ситуация усложняется, когда ядра имеют разную «специализацию» и, соответственно, их периферия в качественном отношении отличается от периферии других ядер (например, культурный центр и инновационный центр с соответствующими перифериями). В результате в концептуальном отношении для описания такой сложной центр-периферийной системы подходит методология анализа сложного интегративного пространства [2]. Однако и в случае качественно однородных по своей специализации центров можно получить достаточно распространенный случай внутренней периферии. Внутренняя периферия оказывается окружена центрами, влияние которых не достигает данной территории.

Под внутренней периферией Б.Б. Родман понимает «территории (субареалы), расположенные скорее ближе к его центру, чем к окраинам, но обладающие такими чертами окраин, как относительно плохая транспортная доступность, замедленное развитие, явное отставание по многим социально-экономическим показателям, архаические черты в ландшафте и быте населения» [3, с. 140]. Это определение с некоторыми допущениями (в контексте положения относительно центра) можно отнести и к глубинке. Под последней Е.Е. Лейзерович предлагает понимать «обширные территории, расположенные за пределами крупных городских агломераций и зон хозяйственного тяготения крупных, больших и средних городов» [4, с. 62]. Л.А. Безруков отмечает, что «российская «глубинка» отчетливо дифференцируется на европейскую (ближнюю или анклавную), находящуюся между транспортными магистралями внутри обжитого пространства, и азиатскую (дальнюю или зональную), представляющую собой громадные сплошные периферийные территории» [5, с. 191]. Европейская глубинка по большей части (за исключением, вероятно, удаленных районов европейского Севера) как раз и является внутренней периферией, тогда как азиатская – дальней, приближенной к границам экстремальных для проживания территорий и акваторий.

Отметим, что глубинка консервативна и до известных пределов самодостаточна, тогда как с периферией центр вынужден постоянно работать, стимулируя приток новых ресурсов (разного рода) из нее. Именно центр пытается организовать периферию, ввести ее (пусть и на подчиненных условиях) в глобальную систему, построенную вокруг мировых городов. В случае же неудачи в данном процессе центр перестает замечать периферию (или ее часть), и она становится глубинкой. В этой ситуации, как точно замечают Л.Е. Бляхер и К.В. Григоричев, «... издержки контроля ... оказываются существенно выше, нежели блага, которые подобный контроль может дать. Гораздо проще и эффективнее оказывается просто объявить эту часть периферии «пустой», ... *лишенной* (авт.) того, что может быть интересно центру» [6, с. 14]. Поскольку «... в оппозиции «центр-периферия» маркированным членом оппозиции, субъектом выступает именно центр» [6, с. 12], инаковость глубинки как бы отрывает ее от транслирующего ориентированные в будущее нарративы ядра, и она приобретает маргинальные (относительно центра как точки отсчета) черты. Чем больше последние определяют облик глубинки, тем меньше ее качественная связь с центром.

Причины расширения зоны глубинки среди прочих типов микрорайонов при поверхностном анализе лежат в деградации советской системы инфраструктуры, трансформации структуры экономики. При более же глубоком погружении в проблему они оказываются вызванными упрощением внутрисистемных связей общественно-

географического пространства страны в постсоветский период. Современные экономисты, вероятно, отметят, что экономическая целесообразность проведения электричества, газоснабжения, дорог с плотным покрытием к удаленному населенному пункту в глубинке, где во многих населенных пунктах проживают единицы и первые десятки человек, весьма сомнительна. Однако оценить тот эффект, который давало включение множества небольших населенных пунктов в единую систему расселения, в групповую систему населенных мест, достаточно сложно. Издержки строительства инфраструктуры компенсировались усложнением территориальной социокультурной (и общественной в целом) системы, усиливая свойство ее эмерджентности. 1990-е годы нарушили инфраструктурное обустройство территории страны, в результате чего позитивные системные эффекты постепенно перестали работать.

Противоречия между зонами в модели «центр-периферия» до известной степени динамичны: центр наступает, периферия поддается (центростремительный дрейф), затем следует фаза исчерпания иницируемой центром модели развития (проявляется центробежный дрейф), затем центр начинает организовывать прилегающую территорию на новых принципах, запуская следующий цикл. Такая общая схема, синхронизированная с волнами Кондратьева, безусловно, имеет свои отклонения. Каким-то центрам не удается запустить процесс вновь, и тогда периферия делится между более успешными центрами; какая-то периферия становится бесполезной для центров в новых условиях (и становится глубинкой или медвежьим углом), а какая-то – неожиданно аттрактивной.

Представление о глубинке включает, в том числе, ее функцию в качестве резерва человеческого капитала. Этот потенциал человеческого ресурса определял устойчивость развития всей системы. Однако процессы поляризации, активно трансформировавшие российское социально-экономическое пространство в прошедшую треть века, во многом распылили этот ресурс [7]. Появилась необходимость «перекройки» глубинки в целях включения ее в центр-периферийные системы. В этой связи А.Г. Дружинин справедливо отмечает, что условием достижения устойчивости территориальных общественных систем является «... придание позитивной ритмики (задействование ресурсного потенциала) максимально возможной части российских территорий, прежде всего таксонов муниципального, поселенного уровня. Это предполагает последовательную континуализацию пространства муниципального развития (интеграцию его отдельных, подчас разнородных компонент)» [8, с. 13]. Подобная континуализация может быть ответом на территориальную асимметрию, которая, по мнению О.Е. Садковской, «... порождает проблему ареалов дискриминации по доступности объектов обслуживания» [9, с. 303].

Часть исследователей, насколько можно судить по приведенным в данной работе публикациям, рассматривает глубинку как составную часть «центр-периферийной» модели, другая же часть, напротив, полагает, что глубинка обособлена от центра и находится в некоторой оппозиции к нему. Например, В.Н. Лаженцев пишет, что глубинка «выпадает» из зоны влияния центра. ... на огромных территориях нашей страны связь по линии «центр – периферия» исчезает [10, с. 55].

Неоднозначность, специфика процесса периферизации проявляются различными способами в результате «проседания» того или иного компонента территориальной общественной системы [11]. Выявление в этой связи «плавающего» признака, обуславливающего периферизацию, является интересной научной задачей и проблемой, поскольку в ряде случаев становится сложно «выделить какие-либо единые индикаторы или показатели, которые можно использовать для преобразования периферизации в статистически осязаемое и сопоставимое понятие» [12, с. 12]. Можно предположить, что понятие периферии используется в контексте сопоставления прежде всего каких-то экономических или инфраструктурных показателей между центром и зоной вне центра. Глубинка же имеет прежде всего социально-культурное наполнение, в той или иной степени качественно отличное от центра и противопоставляемое ему. Л.А. Безруков фокусирует внимание на том,

что «глубинка» определяется в первую очередь «...субъективным ощущением удаленности, автономности, запущенности и т. п.» [5, с. 191].

Следует отметить, что при интуитивно разделяемом большинством исследователей значении понятия «глубинка» подходы к ее делимитации существенно разнятся. На наш взгляд, проблема здесь заключается, в том числе, в богатстве смыслов, присущих (или приписываемых) глубинке. Так, например, А.А. Смирнова, И.П. Смирнов и А.А. Ткаченко выделяют в своих работах по пространственным различиям Центральной России «ближнюю», «дальнюю» и даже «жесткую» глубинку (очевидно, предельно маргинальную по выбранным признакам) [13]. В результате пространственный «размах» выделяемой глубинки может сильно варьировать в зависимости от задач исследования. Разнящиеся подходы к делимитации периферии и глубинки графически представлены на схеме (рис. 1).

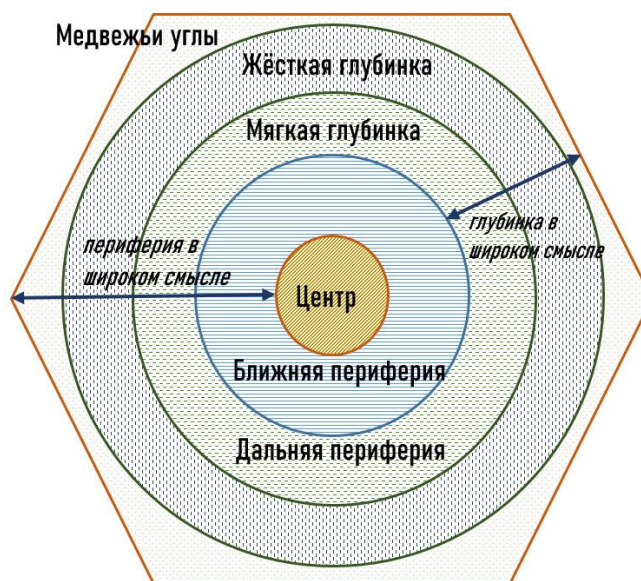

Рисунок 1 – Зона периферии и глубинки в широком и узком смысле

В уже упомянутой работе Е.Е. Лейзерович выделял глубинку в широком смысле (как все экономические микрорайоны (ЭМ) кроме двух высших (крупногородских) типов) согласно разработанной им типологии, и в более узком – как только один тип в рамках типологии. В таком варианте глубинка характеризуется достаточно большой площадью (2 млн км² в пределах России) и демонстрирует опережающую динамику сокращения населения (8,16 % в 1990 году – 7,35 % в 2008 году от общей численности [4, с. 64]). При этом исследователь отделял ЭМ «глубинки» от ЭМ «медвежьих углов», указывая на то, что в «медвежьих углах» нет товарного земледелия и среди сельского населения преобладают лица, не связанные с сельским хозяйством. А в большинстве ЭМ-«глубинка» сельскохозяйственная деятельность доминировала» [4, с. 66].

Более сложная схема, составленная по мотивам статьи Е.Е. Лейзеровича, показывает все возможные ипостаси периферии, в том числе «активное пограничье» (районы, использующие свое выгодное ЭГП между ведущими типами ЭМ), примагистральные ЭМ (вблизи Транссиба, в рассматриваемом макрорайоне не представлены), «ресурсные ареалы» и «медвежий угол» (рис. 2).

Делимитация внутренней периферии и глубинки имеет схожую методологию, для которой характерны определенные расхождения в подходах. Так, интересную работу провел А.И. Царев, сопоставив ареалы внутренней периферии Центральной России, выделенные по разным методикам [14]. Последние остаются, как правило, в границах муниципальных районов. Контуры ареалов различались достаточно серьезно.

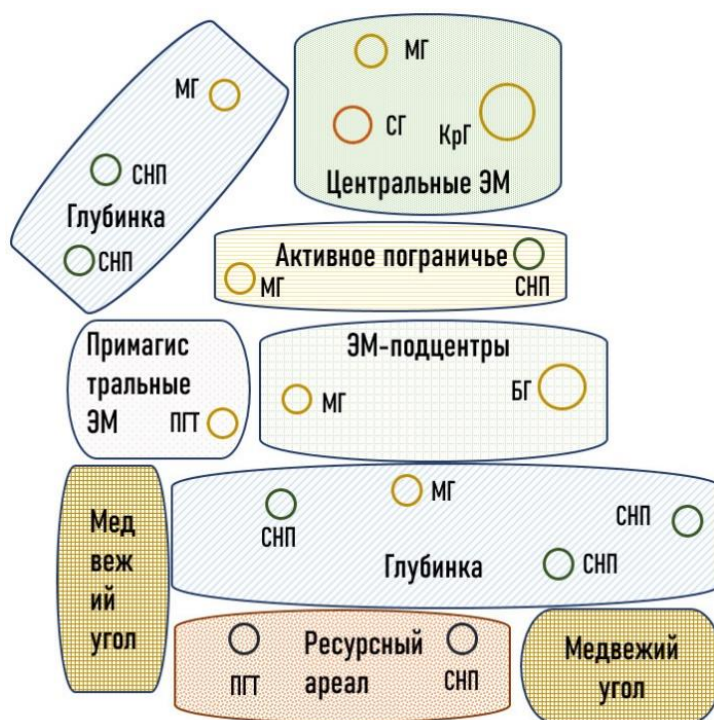

Рисунок 2 – Обобщенная схема основных типов экономических микрорайонов по типологии Е.Е. Лейзеровича (сокращения: СНП – сельский населенный пункт, ПГТ – поселок городского типа, МГ, СГ, БГ – малый, средний и большой города соответственно, КрГ – крупный или крупнейший город). Составлено автором на основе описания в тексте [4]

Если в мелком масштабе исследователи-теоретики могут работать с простыми фигурами (круг, треугольник) в схеме, то при смене оптики и приближении к конкретной местности появляется необходимость использовать шестиугольники (гексагональная решетка В. Кристаллера) и другие многоугольники, правильные и тем более неправильные, чем неоднороднее изучаемая местность. Так и периферия (особенно внутренняя), в концептуальной схеме расчерченная кругами (например, рис. 1), на практике «прячется» между транспортными и пешеходными линиями, исходящими из центра. Б.Б. Родоман называет такую структуру урбоцентрической розеткой: «главные дороги, допускающие более высокую скорость передвижения и притягательные для размещения многих объектов, преобразуют сплошную зону влияния центра в розеточную» [15].

В целом, полимасштабность глубинки (наравне с периферией) предполагает рассмотрение территориальных общественных систем разных таксонов как своего рода матрешек, вложенных одна в другую и имеющих разную степень трещиноватости и пустот. В настоящем исследовании мы фокусируемся на надрегиональном и мезорегиональном уровнях выделения глубинки.

Материалы и методы

Сложная структура экистического пространства Урало-Поволжья определяется рядом факторов, прежде всего агроклиматическими (нарастание аридизации к югу района), геоморфологическими, гидрологическими (тяготение населения к крупнейшим рекам), а также генетическими, связанными с историей освоения ресурсной базы района. Неравномерность в размещении населения может быть описана с помощью потенциала поля расселения (на основе гравитационного метода), что было сделано в работе [16], выделения экономических (общественно-географических) микрорайонов (методика Е.Е. Лейзеровича [17]), делимитации метрополитенских ареалов и другими методами. Основная задача подобной делимитации расселения населения состоит в выделении ареалов для пространственного планирования (в том числе и в прогнозной части).

В советский период большое значение (совершенно справедливо) придавалось вопросам доступа населения ко всему спектру социальных и культурно-бытовых услуг, что оформилось в концепцию создания групповой системы населенных мест, предусматривающей приближение объектов необходимой инфраструктуры к населению. Доступность центров обслуживания, определяемая с помощью изохрон, и в настоящее время является действенным инструментом для выявления асимметрии и степени периферийности на макроуровне.

Район исследования представлен Волго-Уральским макрорегионом в составе Саратовской, Самарской, Пензенской, Ульяновской, Оренбургской областей и Республики Башкортостан, а также Республикой Татарстан, которую мы добавили в силу значительных связей и влияния на вышеуказанные регионы. На территории района были выделены зоны влияния крупнейших агломераций (более 1 млн жителей) на основе определения четырехчасовой изохроны (на основе скорости 60 км/ч), а также были выделены ареалы для городов более 180 тыс. жителей (т.н. «вторые города») по изохроне 120 минут. Часть из этих ареалов слилась, образовав объединенные метрополитенские ареалы. Вне их пределов оказалась территория, которую, учитывая ряд существенных факторов, можно ассоциировать с внутренней периферией или глубинкой.

Полученные ареалы далее сопоставлялись с сеткой микрорайонов, составленной на основе методики Е.Е. Лейзеровича [17], в основе которой в качестве одной из ключевых компонент лежит показатель доли городского населения (табл.).

Таблица – Типология экономических микрорайонов по Е.Е. Лейзеровичу

Тип района	Критерий
I-IV	Территории с низкой плотностью населения
V	Территории с долей городского населения менее 20 %
VI	Территории с долей городского населения от 20 до 40 %
VII	Территории с долей городского населения, близкой к половине (40-50 %)
VIII	Территории с долей городского населения более 50 %
IX	Узел микрорайона – город людностью 100-300 тыс. жителей
X	Узел микрорайона – город людностью более 300 тыс. жителей

Размер площади организующего влияния узлов микрорайонов различается в зависимости от их людности. Так,

- для городов с населением более 500 тыс. человек радиус влияния составил 120 км;
- для городов с населением 250-500 тыс. человек – 90 км;
- для городов с населением 100-250 тыс. человек – 60 км;
- для городов с населением 50-100 тыс. человек – 40 км.

Результаты и обсуждение

В результате примененной методики в группу районов вне влияния крупных (и условно крупных) городов попала существенная часть исследуемого региона (см. рис. 3).

Сопоставление выделенных ареалов с типами экономических микрорайонов (рис. 4) показало, что по большей части их составляют микрорайоны V и VII типа, с долей городского населения менее половины и во многих районах практически полностью сельским.

Полученные результаты можно трактовать на разных иерархических уровнях. Так, в масштабе макрорайона внутренняя периферия выполняет блокирующую роль между зонами влияния крупных агломераций. В пределах Волго-Уральского макрорегиона подобное положение этой зоны лимитирует связи Оренбурга и прилегающих районов на западе с Самарской областью и поволжскими субъектами РФ в целом, а на востоке ограничивает взаимодействие с уральскими регионами. Только благодаря агломерации «Стерлитамак-Салават-Мелеуз» существует большая проницаемость социально-экономического пространства в северном направлении, хотя и последняя в реальности, вероятно, не столь

востребована. На мезоуровне (в пределах отдельного субъекта РФ) очертить контуры периферии оказывается несколько более проблематично, поскольку она, как правило, «выталкивается» населенными пунктами – вторыми и третьими городами – к границе региона. Вместе с тем, на этом уровне есть смысл фиксировать различия в характере и интенсивности природопользования, выделяя преимущественно сельскохозяйственные районы, залежи и населенные пункты без населения (в том числе и по космоснимкам). Однако последние в настоящее время уже вовсе не подразумевают обязательного присутствия традиционного рурального населения. В результате, сложно говорить о глубинке в пределах той территории, которая по факту организуется и управляется агрохолдингами (см. связанное исследование [18]). Наконец, на микроуровне возможно более детально обрисовать контуры территории за пределами изохронного псевдолиста Родмана, локализовать их социально-экономические проблемы.

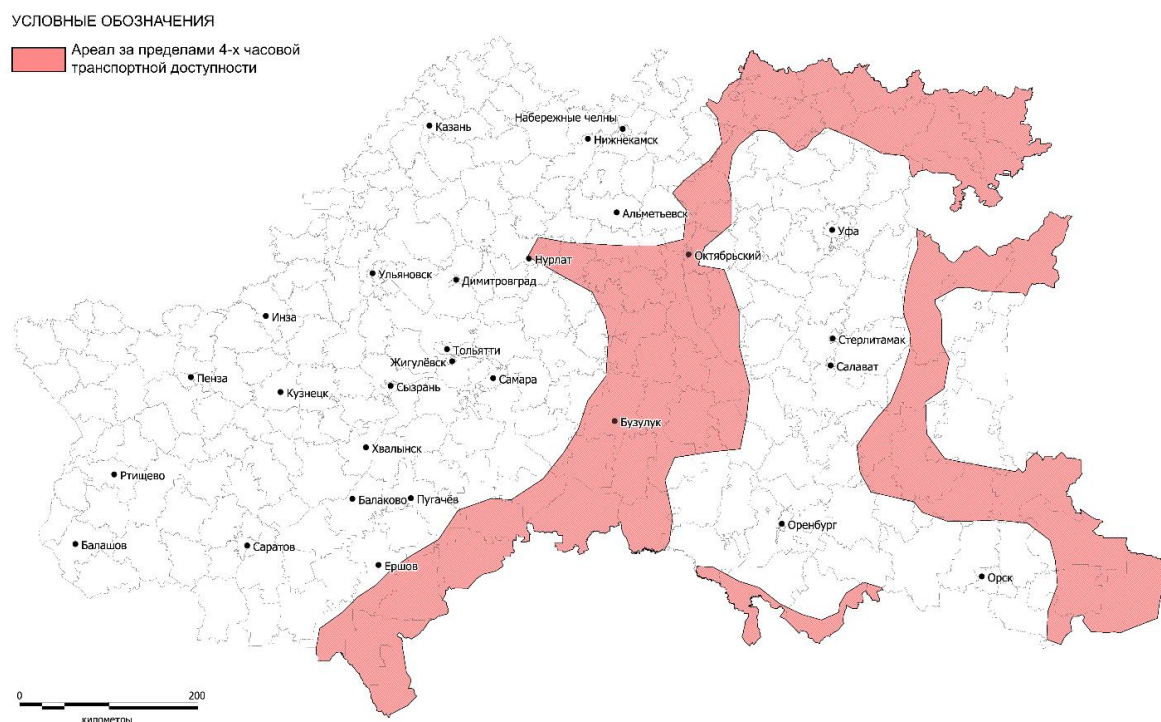

Рисунок 3 – Внутренняя периферия Волго-Уральского макрорегиона (территория за пределами выделенных изохрон вокруг крупных городов)

Снижение различий по линии «центр – периферия» В.Н. Лаженцев видит в «... преодолении негативного синдрома периферийности путем приобщения экономически удаленных территорий к научно-техническому потенциалу центральных мест с сохранением традиционной сельской культуры» [10, с. 204]. Е.Е. Лейзерович связывает решение проблемы глубинки с реализацией двух подходов. Первый предполагает перевод слабозаселенных ЭМ на экофильное хозяйствование: «основной задачей деятельности на экологически чистых пространствах будет сохранение естественного ландшафта» [4, с. 68]. Другой подход состоит в «усилении» ряда населенных пунктов, чтобы повысить в них экономическую активность и радиус их влияния, что позволит сдвинуть их ЭМ «вверх» в типологии. Этот путь ограничен депопуляцией этих микрорайонов. Усиление интеграционных процессов в трансформации пространственных структур, безусловно, одно из наиболее важных направлений пространственной политики [19, 20]. При известных недостатках центр-периферийного

подхода (см., например, [21]) он, тем не менее, на наш взгляд, наиболее комплексно и при этом гибко описывает метаморфозы пространственных структур населения и хозяйства.

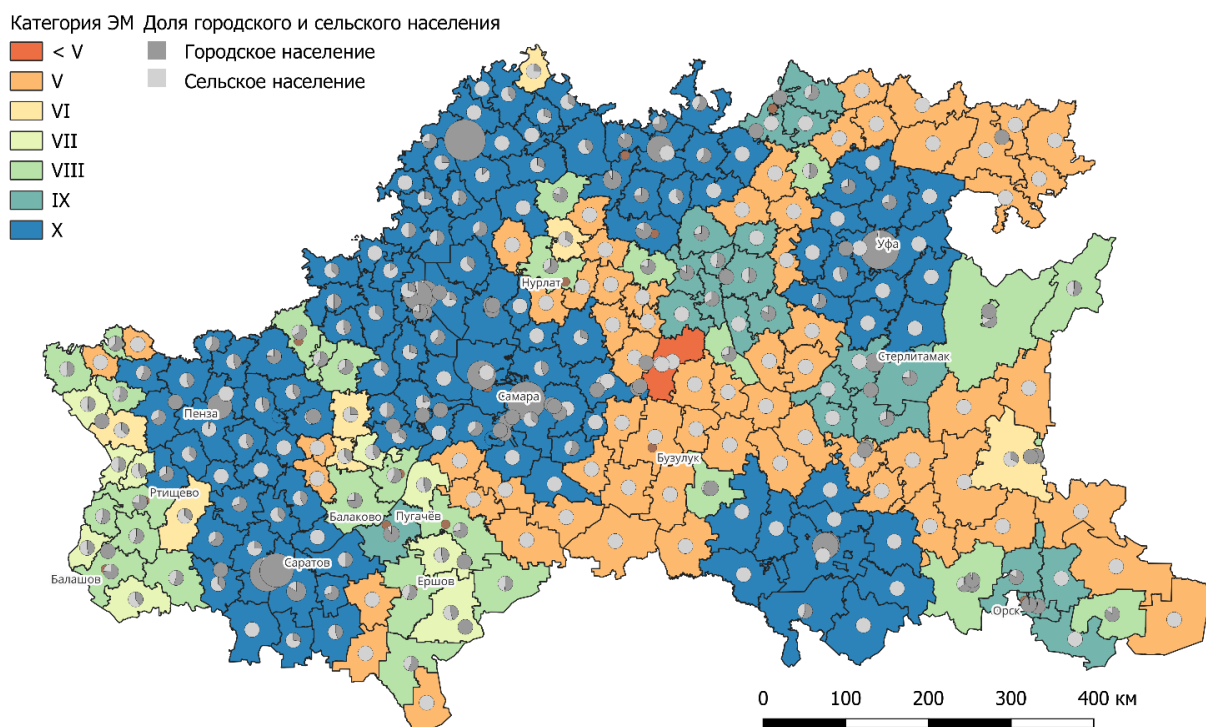

Рисунок 4 – Экономические микрорайоны и соотношение городского и сельского населения в исследуемых районах

В рамках современной парадигмы научно-технологического развития (индустрия 4.0 и далее) и господствующего мирохозяйственного уклада пути ревитализации глубинки (как территориальной общественной системы, а не заповедной территории) просматриваются только с очень значительными допущениями разного рода в будущем. Однако ситуация существенным образом отличается для конкретных районов, которые можно и нужно поддерживать как важные компоненты всей общественной системы.

Выводы

Понятие глубинки пересекается с понятием периферии, причем первая определяется преимущественно с социокультурных позиций, а вторая – с социально-экономических. Делимитация глубинки может быть проведена в более широких и более узких пределах. В последнем случае сюда относится только один тип ЭМ. В пределах Волго-Уральского макрорегиона (с добавлением Татарстана) выделена глубинка в широком смысле – зона за пределами ареалов влияния крупных городов (более 180 тыс. жителей). Выделение глубинки на мезо- и микроуровне требует специальной комплексной методологии с привлечением соцопросов и дешифрирования спутниковых снимков. Сохранение глубинки и переход ее отдельных территорий в зону ближней периферии возможен при активной опережающей демографической и экономической политике, повышении инфраструктурной связности для расширения и «слипания» метрополитенских ареалов и зон влияния средних и больших городов. В то же время качественные метаморфозы глубинки, связанные с усилением периферийных и маргинальных признаков, по всей видимости, неизбежный процесс.

Список литературы

1. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. 290 с.

2. Преображенский Ю.В. Составляющие интегративного социально-экономического пространства и их взаимодействие // Теоретическая экономика. 2021. № 3(75). С. 18-27.
3. Родоман Б.Б. Российская внутренняя периферия // Наука. Инновации. Технологии. 2014. № 4. С. 139-147.
4. Лейзерович Е.Е. Глубинка как типологическая часть российского пространства // Российская глубинка: модели и методы изучения: сб. статей XXIX ежегодной сессии экономико-географической секции МАРС, Пенза, 01-05 июня 2012 года. М.: Эслан, 2012. С. 62-71.
5. Безруков Л.А., Корытный Л.М. Российская «глубинка» – модели и методы изучения // География и природные ресурсы. 2012. № 4. С. 191-192.
6. Бляхер Л.Е., Григоричев К.В. Периферийные пространства как исследовательская проблема и объект исследования // Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств. 2023. № 1(1). С. 7-26.
7. Преображенский Ю.В. Неравномерность регионального развития Волго-Уральского макрорегиона: уязвимая провинция // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Науки о Земле. 2025. Т. 25. Вып. 1. С. 20-29. DOI: 10.18500/1819-7663-2025-25-1-20-29.
8. Дружинин А.Г. Муниципальное развитие в современной России: геополитический аспект // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2023. № 2. С. 5-17. DOI: 10.5922/gikbfu-2023-2-1.
9. Садковская О.Е. Пространственное взаимодействие населенных пунктов в Ростовской области // Architecture and Modern Information Technologies. 2024. № 3 (68). С. 298-312. DOI: 10.24412/1998-4839-2024-3-298-312.
10. Лаженцев В.Н. Содержание, системная организация и планирование территориального развития. Екатеринбург-Сыктывкар, 2014. 236 с.
11. Преображенский Ю.В. Пространственная маргинализация: подходы и уровни исследования // Вестник Тверского государственного университета. Серия: География и геоэкология. 2020. № 2 (30). С. 5-12. DOI: 10.26456/2226-7719-2020-2-5-12.
12. Кузин В.Ю. Периферизация как тренд пространственного развития России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. География. Геология. 2019. Т. 5. № 2. С. 11-25.
13. Смирнова А.А., Смирнов И.П., Ткаченко А.А. Расселение: основные понятия, подходы, результаты исследований. Тверь: Тверской государственный университет, 2024. 224 с.
14. Царев А.И. Понятие и методы определения внутренней периферии // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2019. № 4. С. 33-42.
15. Родоман Б.Б. Поляризованный ландшафт полвека спустя // Известия РАН. Серия географическая. 2021. Т. 85. № 3. С. 467-480. DOI: 10.31857/S2587556621030122.
16. Преображенский Ю.В., Дувакин Д.А. Система расселения Волго-Уральского макрорегиона: потенциал поля расселения и перспективы трансформации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: География и геоэкология. 2023. № 4 (44). С. 73-83. DOI: 10.26456/2226-7719-2023-4-73-83.
17. Лейзерович Е.Е. Типология местностей России (экономические микрорайоны России: сетка и типология) // Социальная реальность. 2007. № 7. С. 84-125.
18. Нефедова Т.Г. Пространственная дифференциация сельскохозяйственного производства в России в условиях природного и социального опустынивания // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2022. Т. 86. № 1. С. 69-81. DOI: 10.31857/S2587556622010101.
19. Ридевский Г.В. Центр-периферийные и интеграционные процессы как ключевые тренды трансформации пространственных структур // Социальные новации и социальные науки. 2023. № 3 (12). С. 34-52. DOI: 10.31249/snsn/2023.03.02.

20. Бакланов П.Я. Пространственные структуры и территориальные системы в региональном развитии: Избранное. Владивосток: Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, 2024. 464 с. DOI: 10.35735/9785604968352.

21. Кузин В.Ю. Применение и ограничения центрo-периферийной теории // Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о Земле. 2024. Т. 34. № 2. С. 212-219. DOI: 10.35634/2412-9518-2024-34-2-212-219.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Поступила в редакцию 31.03.2025

Принята к публикации 19.09.2025

PROBLEM OF DELIMITATION OF THE INNER PERIPHERY AND HINTERLAND WITHIN A MACROREGION

Yu. Preobrazhenskiy

Saratov State University, Russia, Saratov
e-mail: topofag@yandex.ru

The multidimensional nature of spatial transformation raises the question of structures that emerge during their course. The polarization of socio-economic space leads to growth of inner peripheries and hinterlands. With similar outlines of their delimitations, these concepts have different meanings. This paper aims to identify the inner periphery within the Volga-Ural region (including Tatarstan) by comparing the concepts and approaches of inner peripheries and hinterlands based on published literature. The main difference between these two concepts lies in their focus: inner peripheries are more associated with economic and infrastructure processes, while hinterlands are linked to socio-cultural aspects. Spatially, hinterlands can be included in inner periphery regions, but they do not completely overlap with them. However, another approach is also possible in which the hinterland starts where the influence of the center stops, i.e., outside the near periphery. Using the isochrone method, it was possible to identify areas that are as far from large and major cities as possible in the central part of the Ural-Volga region. These areas can be associated with the inner periphery. An analysis of the contours of this zone led to the conclusion that, at the supra-regional level, the periphery divides the macroregion into western and eastern parts.

Key words: inner periphery, hinterland, Ural-Volga region, transport accessibility, isochrons, metropolitan area, spatial transformation.

References

1. Alaev E.B. Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya: ponyatiino-terminol. slovar'. M.: Mysl', 1983. 290 s.
2. Preobrazhenskii Yu.V. Sostavlyayushchie integrativnogo sotsial'no-ekonomicheskogo prostranstva i ikh vzaimodeistvie. Teoreticheskaya ekonomika. 2021. N 3(75). S. 18-27.
3. Rodoman B.B. Rossiiskaya vnutrennyaya periferiya. Nauka. Innovatsii. Tekhnologii. 2014. N 4. S. 139-147.
4. Leizerovich E.E. Glubinka kak tipologicheskaya chast' rossiiskogo prostranstva. Rossiiskaya glubinka: modeli i metody izucheniya: sb. statei KhKhIX ezhegodnoi sessii ekonomiko-geograficheskoi sekti MARS, Penza, 01-05 iyunya 2012 goda. M.: Eslan, 2012. S. 62-71.
5. Bezrukov L.A., Korytnyi L.M. Rossiiskaya "glubinka" – modeli i metody izucheniya. Geografiya i prirodnye resursy. 2012. N 4. S. 191-192.

6. Blyakher L.E., Grigoriev K.V. Periferiinye prostranstva kak issledovatel'skaya problema i ob'ekt issledovaniya. Periferiya. Zhurnal issledovaniya nestolichnykh prostranstv. 2023. N 1(1). S. 7-26.
7. Preobrazhenskii Yu.V. Neravnomernost' regional'nogo razvitiya Volgo-Ural'skogo makroregiona: uyazvimaya provintsiya. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Nauki o Zemle. 2025. T. 25. Vyp. 1. S. 20-29. DOI: 10.18500/1819-7663-2025-25-1-20-29.
8. Druzhinin A.G. Munitsipal'noe razvitie v sovremennoi Rossii: geopoliticheskii aspekt. Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Estestvennye i meditsinskie nauki. 2023. N 2. S. 5-17. DOI: 10.5922/gikbfu-2023-2-1.
9. Sadkovskaya O.E. Prostranstvennoe vzaimodeistvie naselennykh punktov v Rostovskoi oblasti. Architecture and Modern Information Technologies. 2024. N 3 (68). S. 298-312. DOI: 10.24412/1998-4839-2024-3-298-312.
10. Lazhentsev V.N. Soderzhanie, sistemnaya organizatsiya i planirovanie territorial'nogo razvitiya. Ekaterinburg-Syktyvkar, 2014. 236 s.
11. Preobrazhenskii Yu.V. Prostranstvennaya marginalizatsiya: podkhody i urovni issledovaniya. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geografiya i geoekologiya. 2020. N 2 (30). S. 5-12. DOI: 10.26456/2226-7719-2020-2-5-12.
12. Kuzin V.Yu. Periferizatsiya kak trend prostranstvennogo razvitiya Rossii. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Geografiya. Geologiya. 2019. T. 5. N 2. S. 11-25.
13. Smirnova A.A., Smirnov I.P., Tkachenko A.A. Rasselenie: osnovnye ponyatiya, podkhody, rezul'taty issledovaniy. Tver': Tverskoi gosudarstvennyi universitet, 2024. 224 s.
14. Tsarev A.I. Ponyatie i metody opredeleniya vnutrennei periferii. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya. 2019. N 4. S. 33-42.
15. Rodoman B.B. Polyarizovannyi landshaft polveka spustya. Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya. 2021. T. 85. N 3. S. 467-480. DOI: 10.31857/S2587556621030122.
16. Preobrazhenskii Yu.V., Duvakin D.A. Sistema rasseleniya Volgo-Ural'skogo makroregiona: potentsial polya rasseleniya i perspektivy transformatsii. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geografiya i geoekologiya. 2023. N 4 (44). S. 73-83. DOI: 10.26456/2226-7719-2023-4-73-83.
17. Leizerovich E.E. Tipologiya mestnostei Rossii (ekonomicheskie mikroraiony Rossii: setka i tipologiya). Sotsial'naya real'nost'. 2007. N 7. S. 84-125.
18. Nefedova T.G. Prostranstvennaya differentsiatsiya sel'skokhozyaistvennogo proizvodstva v Rossii v usloviyakh prirodnogo i sotsial'nogo opustynivaniya. Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaya. 2022. T. 86. N 1. S. 69-81. DOI: 10.31857/S2587556622010101.
19. Ridevskii G.V. Tsentr-periferiinye i integratsionnye protsessy kak klyuchevye trendy transformatsii prostranstvennykh struktur. Sotsial'nye novatsii i sotsial'nye nauki. 2023. N 3 (12). S. 34-52. DOI: 10.31249/snsn/2023.03.02.
20. Baklanov P.Ya. Prostranstvennye struktury i territorial'nye sistemy v regional'nom razvitii: Izbrannoe. Vladivostok: Tikhookeanskii institut geografii DVO RAN, 2024. 464 s. DOI: 10.35735/9785604968352.
21. Kuzin V.Yu. Primenenie i ogranicheniya tsentro-periferiinoi teorii. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Biologiya. Nauki o Zemle. 2024. T. 34. N 2. S. 212-219. DOI: 10.35634/2412-9518-2024-34-2-212-219.

Сведения об авторе:

Преображенский Юрий Владимирович

К.г.н., доцент, доцент кафедры экономической и социальной географии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
ORCID 0000-0003-2774-0554

Preobrazhenskiy Yuri

Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the
Department of Economic and Social Geography, Saratov State University

Для цитирования: Преображенский Ю.В. Проблема делимитации внутренней периферии и глубинки в пределах макрорайона // Вопросы степеведения. 2025. № 3. С. 58-69.
DOI: 10.24412/2712-8628-2025-3-58-69